

1.4. ВОЗМОЖЕН ЛИ «ИНТЕГРАЛЬНЫЙ» ПРОЕКТ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ? НА ПУТИ К ЭКОЦИВИЛИЗАЦИИ

Какую цивилизацию можно считать идеальной с точки зрения выделенных мной критериев? На мой взгляд, такой цивилизация не существует в принципе. Но если позволить себе пометчать, то можно предположить, что ею может стать цивилизация, «удобная для жизни людей», а значит духовная, ориентированная на развитие жизни, человекоразмерная, экологичная и пр. Опыт строительства экологической цивилизации уже имеется в современном Китае, хотя и последний был вынужден пойти на это в связи нарастающими проблемами. Об этом пишут и отечественные исследователи: «Строительство экологической цивилизации – это комплексный проект, основанный на отказе от утилитарной концепции развития, создании новой концепции гармоничного развития и коэволюции общества и природы, совершенствовании экологического сознания людей» (см. прим. 12).

Программа построения экологической цивилизации в Китае принята на самом верху в 2015 г. А это свидетельствует о серьёзности намерений китайского руководства воплотить в жизнь один из самых амбициозных проектов нынешнего века. Конечно, внедрение экологических ценностей проходит не без принуждения со стороны властей. И всё же лёд тронулся. Реформы затрагивают такие показатели, как энергоэффективность, ресурсосберегающие технологии, безотходные циклические производства и пр. В этой связи разработана дорожная карта и приняты другие решения. При этом Китай начинает пропаганду Великого шелкового пути и устанавливает свои правила игры на территории от Тихого океана до Африки. Фактически он берёт на себя роль лидера новой, объединённой цивилизации, используя накопленные за годы экономического подъёма ресурсы (см. прим. 13).

На этом фоне Россия выглядит более чем скромно. Её же место в проекте Китая до конца не определено. На первый взгляд она становится «сырьевым придатком» к экологической цивилизации Китая и потенциальным местом для хранения его отходов. Пойдёт ли она в этом направлении и насколько далеко, пока не ясно. Но Китай уже приступил к выполнению своих масштабных планов. Не пора ли и нашему политическому руководству задуматься о собственной программе цивилизационного строительства? Иначе мы рискуем потерять (или превратить в безжизненную зону) свои «бескрайние» просторы Сибири и Дальнего Востока.

Так, уже сегодня Китай из экологических соображений практически полностью прекратил вырубку леса на своей территории, рассчитывая,

видимо, на её экспорт из России. И пока он не встречает на своём пути сопротивления российских властей, которые с готовностью идут на создание вредных производств (целлюлозных заводов и пр.) на собственной территории. Так что мы уже работаем на экологию Китая, создавая условия для строительства его цивилизации, т.е. соглашаясь с экологически неравноценным обменом. Это ставит Россию на второстепенную позицию, т.е. позицию «младшего» партнёра.

Как известно, в советский период истории России Китай изучал и перенимал наш опыт. Сегодня мы поменялись местами. Теперь, наверное, настала наша очередь присмотреться к опыту Китая в строительстве экологической цивилизации, совместимой с развитием «среднезажиточного» социализма. Возникают вопросы: а может ли такая цивилизация, как Россия, возникнуть в условиях государственно-олигархического капитализма? И готова ли она к «внедрению» экологической модели цивилизации? Пока у меня нет ответов на эти вопросы. Ведь для Китая это не только проблема выживания, но и политический вопрос, который решается сверху и в масштабах всего государства. Решить его в условиях многоуровневой и весьма неэффективной вертикали власти в России пока не представляется возможным. Ведь до сих пор не выполнены многие майские указы Президента РФ, изданные ещё в 2012 г. и рассчитанные на ближайшую перспективу. Сроки их выполнения уже давно прошли. И практически никто из ответственных исполнителей не понёс за это ответственность. При таком подходе к выполнению стратегически важных решений мы вряд ли сможем конкурировать с Китаем.

Так что, приступая к анализу возможностей интеграции рассмотренных выше цивилизационных проектов, я не питаю иллюзий по поводу их применимости в российских условиях. Но надежда, как известно, умирает последней.

Пути экологической интеграции цивилизационных проектов России.

А теперь перейду к некоторым положениям, позволяющим обосновать или опровергнуть экологический образ российской цивилизации, который постепенно вырисовывается в ходе разворачивания данной исследовательской схемы. С этой точки зрения цивилизация рассматривается мной в контексте её обустройства в качестве удобного и безопасного для жизни людей дома. А цивилизационное проектирование должно учитывать экологичность как главный критерий. Однако я не буду уделять внимание традиционной экологической проблематике, связанной с охраной окружающей среды, природосбережением и пр.

Моя задача состоит в том, чтобы расширить экологическое видение до масштаба всей цивилизации. В этом смысле экология понимается мной

как теория и практика проектирования жизнеспособной и гармоничной цивилизации. Предмет исследования – экологическая модель будущей российской цивилизации. А подход, который я буду использовать в данном разделе очерка, можно условно назвать *экоинтегральным*. Именно таким подходом руководствуются многие современные китайские философы.

1. В первую очередь хочу отметить, что Россия имеет все шансы стать *экологической цивилизацией*, но для этого субъектам всех уровней системы управления необходимо совершить «поворот в сознании». Выскажу в порядке предположения мнение о том, что перед Россией, как и прежде, в силу присущего ей социокультурного раскола стоят две цивилизационные дилеммы, как в настоящем, так и в будущем, каждой из которых соответствуют альтернативные модели российской цивилизации: цивилизационное настоящее (традиционная или современная модели); цивилизационное будущее (информационная или экологическая модели). За каждой из этих моделей стоит своя большая группа влияния – субъекты управления и агенты конкретного цивилизационного проекта. Их столкновение друг с другом привело к неизбежному цивилизационному кризису страны. Поэтому приходится констатировать, что Россия так и не завершила свой цивилизационный выбор и, следовательно, не определилась до конца с логикой развития своей культуры.

Чтобы выйти из цивилизационного кризиса, необходимо, на мой взгляд, реализовать в уже не столь отдалённой перспективе экологическую версию цивилизационного проекта. Однако стремление к экологизации в российском обществе не настолько сильно, чтобы появились новые силы, способные позаботиться сообща о нашем общем доме – родной земле. А именно это сегодня, как никогда, требуется от экологической ответственности России. Она же пока пребывает в пассивном состоянии и практически не проявляет себя в политической жизни страны. К сожалению, у нас так и не сложились механизмы и традиции для появления и полноценной деятельности сильных экологических движений и партий. Не сформирован также экологический тип личности (эко-деятель), способный поддерживать гармонические отношения с внешним миром. Так что, возможно, тенденция становления цифрового капитализма постепенно возьмёт вверх в будущем, хотя ещё рано делать какие-либо выводы.

2. *Экология духа*. Неблагоприятные последствия проведённых реформ сказываются до сих пор и выражаются непосредственно в духовном кризисе общества. Россия в идеале может состояться как духовная цивилизация или «цивилизация духа», но только в собственном культурном облики (например, как «цивилизация общего дела» Н.Ф. Фёдорова, «Софийная цивилизация» В.С. Соловьёва или «цивилизация жизни» А. Швейце-

ра) и при условии, что она пойдет по пути развития экологии духа и формирования у людей экосознания. Для этого у неё имеются все необходимые идейные предпосылки, в т.ч. идеи авторов проектов, предпочитающих практическую реализацию модели экологической цивилизации в российских условиях. Ведь жизненное пространство цивилизации определяется не только противоборствующими духовными тенденциями, но и полнотой представленных в нём уровней жизни. И здесь можно воспользоваться критерием единства всеобщего, особенного и единичного, который был всесторонне разработан Г. Гегелем. Без единичного не может быть и всеобщего в духовной организации российской цивилизации. Однако их связь должна быть опосредована духовно особенным, которое в России оказалось наиболее слабым звеном (отсутствие развитой гражданской общественности).

Могу также предположить, что в отличие от эпохи Г. Гегеля в наше время духовно особенное в жизни цивилизации дифференцируется внутри себя на личное особенное (семейная жизнь), формальное особенное (жизнь местных сообществ и организаций) и общее особенное (гражданская жизнь). Последнее тяготеет к духовно всеобщему («Софии» и пр.), но ещё несёт на себе «родимые пятна» старого гражданского общества с его разделением на сословия (классы) и корпорации. Одной из таких корпораций, возвысившейся над гражданским обществом и подчинившим его себе, стало авторитарное государство, опирающееся на мощный аппарат принуждения (см. прим. 14).

Конечно, Россия не может принять нравственную идею Запада о приоритете ценностей индивидуальной и корпоративной свободы, присущих эго-деятелям (автономным и изолированным индивидам). По мнению же некоторых мыслителей, она должна выполнить свою историческую миссию в мире, осуществить «общее дело», связанное с претворением в жизнь образа Софии как идеальной личности мира или со всеобщим воскрешением предков. Но эти идеи не получили развитие как в своё время, так и не стали предметом дискуссий в нынешней России.

Однако, если представить, что нам всё-таки удастся, в конце концов, создать новую гражданскую общественность, опирающуюся на экологическую идею или иные представления, и поставить под контроль авторитарное государство, то, возможно, у России появится исторический шанс наладить духовную организацию на всех уровнях жизни, а тем самым заложить «кирпичики» в здание экологической цивилизации. Но этот путь цивилизационного развития мне представляется маловероятным, поскольку трудно совместить критерии идеациональной и чувственной логики развития культуры, хотя П.А. Сорокин и попытался это сделать.

На мой взгляд, трансцендентная модель цивилизации в России (православная, коммунистическая и пр.) уже исчерпала свой потенциал. Не подходит ей и идеократический строй Н.С. Трубецкого и других классических евразийцев. К тому же Россия ещё не разу в истории не пыталась апробировать экзистенциальную или «смешанную» модель цивилизации, сочетающую в себе установки экзистенциализма и экософии. Ведь цивилизационное развитие страны может пойти при определённых условиях и по этому пути. Поэтому я не могу согласиться с авторами проектов, которые предлагают однозначный выбор в пользу трансцендентной цивилизации с её неизбежным спутником — всеильным государством. Полагаю, что будущее России может быть в какой-то мере связано с экзистенциально-экологическим вектором цивилизационного развития, сопряжённым по смыслу с критериями человекоразмерности и экологии человека. Именно с ними я связываю возможность создания «цивилизации для людей».

3. *Экология жизни.* Цивилизационное своеобразие России во многом определяется особой, *органической связью жизни и земли в бытии людей.* На это указывают, прежде всего, Н.Ф. Фёдоров и А. Швейцер. Земля для российского человека есть главное место его жизни («месторазвитие» каждого). На этом же построено огромное количество мифов, легенд и народных преданий. Ведь земля для большинства народов нашей страны является самым важным источником жизни. Она — «матушка» и «кормилица». На ней рождается сам человек и его далёкие предки. С детства он запоминает запах и вкус свежескошенной травы, научается чувствовать тепло и энергию земли. Земля даёт ему силы и защищает его от многих невзгод или опасностей. Именно с освоения человеком земли и его породнения с ней начинается процесс становления цивилизации. Поэтому без обретения чувства родной земли («родины») не может быть и полноценной жизни человека, а его социализация будет прерванной или нарушенной.

Так, жители многих из регионов России обладают собственной культурной идентичностью, в которой акцент делается не на этнокультурной принадлежности, а на приверженности культурным традициям и обычаям своей земли, края, территории (например, «поволжец» или «волжанин», «сибиряк», «уралец», «северянин» и пр.). Но это крупные культурно-региональные типы людей, а существует ещё множество частных идентичностей, связанных с особенностями конкретной земли или края. Этим, как правило, принято и не без основания гордиться, подчёркивая культурный статус своей причастности к родной земле.

Таким образом, российская цивилизация будет «прорастать» на собственной культурной почве, связанной с исходными представлениями о жизни на родной земле. Этот фактор цивилизационного развития («эко-

логия жизни») является, с моей точки зрения, во многом определяющим, хотя и не до конца осмысленным.

4. *Экология человека.* У России есть возможность создать *человекоразмерную цивилизацию* и сделать её «человекоберегающей», хотя она и не так велика, как хотелось бы. В нашем обществе не столь значительна ценность жизни вообще и человеческой жизни в частности. Однако человекоразмерность — это, прежде всего, соответствие той или иной модели цивилизационного развития условиям свободного и благополучного развития человека. На это обращают внимание, разумеется каждый по-своему, Н.Ф. Фёдоров и А. Швейцер. Мне же больше всего импонирует позиция А.В. Смирнова, в основе проекта которого лежит идея всечеловечности. Если мы сможем мобилизовать общественность и политических субъектов на совместную реализацию этой идеи, то нам удастся продвигаться в направлении всечеловеческой цивилизации. Ведь её смысл заключается в том, чтобы быть «всем со всеми» и строить свою жизнь с учётом всего многообразия культур.

Как я уже отмечал, всечеловечность рассматривается А.В. Смирновым как альтернатива европоцентристской (субстанциальной) логике развития цивилизации. Это — «собрание разных типов культур» и разных типов рациональности. Именно данный подход позволяет выработать такие правила общежития в обществе, которые помогут нам утвердить самоценность каждой культуры и каждого этноса в обществе, что соответствует культурной идентичности первого типа, а уже затем создать на этой основе дружественный союз народов и этносов («соборность» в понимании евразийцев и других русских мыслителей), т.е. сформировать второй тип идентичности. И лишь потом можно переходить на следующий уровень всечеловечности, соответствующий третьему типу идентичности, который Н.Ф. Фёдоров называл космической цивилизацией, а В.С. Соловьёв «всеединством». А это и есть всечеловеческая цивилизация в мировом масштабе, которая первоначально может возникнуть на территории России (или в другом культурном ареале), а затем собрать в единую семью другие народы и культуры мира. Признаю, что пока это выглядит как утопия, но утопия, имеющая шансы на реализацию в отдалённом будущем.

Именно так можно мыслить цивилизационное будущее России с точки зрения критерия человекоразмерности и лишь при условии, что оно впитает в себя экологическую культуру. Но могут быть и другие сценарии её цивилизационного развития. Многое зависит от того, какой тип человека станет доминирующим в обществе. Если «победит» эго-деятель (эгоистический и автономный человек), а у него для этого имеются все шансы, то мы пойдём по пути западной цивилизации и будем взращивать,

как это было уже не раз в нашей истории, инородное тело на теле своей культуры. Хотя такой гибрид не будет долговечным, но он окончательно дезориентирует российскую общественность, которая до сих пор не может прийти в себя после реформ 1990-х гг. Если эмо-деятелю («традиционному человеку») всё-таки удастся своей массой вытеснить эго-деятеля на периферию социокультурного пространства, что представляется маловероятной возможностью, то мы вернёмся к традиционной модели общества с её патриархальными и авторитарными тенденциями. Здесь возможны трансцендентные (теократические или этнократические) варианты цивилизационного развития. При этом оба варианта чреваты распадом России как социокультурной целостности.

Таким образом, путь всечеловеческой цивилизации и соответствующая ему логика всесубъектности открывают для нашего общества гораздо более привлекательные цивилизационные перспективы, чем те, которые связаны с его «врастанием» в западную цивилизацию или с пребыванием в состоянии консервации традиций или «застоя». Но для этого нам нужны не только реализация некоторых из идей, предложенных, в частности, евразийцами («соборность», «симфоническая личность», «евразийская идентичность», «демотия», «государственно-частная система хозяйствования» и др.), но и пассионарии нового типа. Я считаю, что таковым по своей сути выступает эко-деятель («экологический человек»), т.е. человек, способный к гармоничному и сбалансированному сосуществованию с окружающей социоприродной средой, в т.ч. с людьми других социокультурных типов (эмо-деятелями и эго-деятелями), которые никуда не исчезнут и ещё долгое время будут отстаивать свои сценарии развития страны. Именно эко-деятель, руководствуясь главным образом логикой всесубъектности и будучи по своему образу жизни и стилю мышления «всеми со всеми и для всех», сможет выработать такую «срединную» позицию.

Но пока я не вижу достаточных социально-антропологических предпосылок для «выращивания» такого типа человека в России. Главный социокультурный раскол, который констатировал А.С. Ахиезер, остаётся прежним: между моделью поведения людей (в моём понимании это — эмо-деятели), стремящихся воспроизводить себя в неизменном виде в соответствии с принятым ими идеалом сохранения традиции (архаические или традиционные культуры) и моделью поведения (эго-деятели), направленного на развитие в соответствие с достижительным идеалом (современные или современные культуры). Обе модели (и соответствующие им логики — традиционная и достиженческая) реализуются в социокультурных практиках одновременно, «разрывая» общество на части. Поэтому в нынешней ситуации сбалансированное взаимодействие между ними практически невозможно.

Остаётся надеяться, что в теле российской культуры сможет взрасти за несколько десятилетий новый тип человечности – эко-деятель. Ведь некоторые условия для этого имеются. Так, вырастают новые поколения российских людей, которые уже не хотят как возврата к прошлому, так и сохранения нынешних тенденций развития государственно-олигархического капитализма. Многие из них убеждены в том, что «третий путь» всё-таки возможен. И кто знает, может кто-то из них выберет модель поведения эко-деятели, который станет со временем новым «человеческим лицом» будущей российской цивилизации. А я убежден, что каждая цивилизация, в т.ч. экологическая, должна иметь своего массового представителя, иначе она обречена на постепенное угасание.

5. *Экология науки и образования.* Данная экология продолжает линию духовности и экологии духа. И для её осуществления нужна другая интеллектуальная составляющая, о которой писали многие мыслители (Н.Ф. Фёдоров, Н.С. Трубецкой, П.А. Сорокин и др.). Российские учёные находятся в положении вынужденных иждивенцев. В настоящее время наука востребована в основном в сфере оборонно-промышленного комплекса России. Так уж исторически случилось, что большинство научно-технических достижений в России связаны в той или иной степени с военной или космической промышленностью. Однако это не отменяет многочисленные факты выдающихся научных открытий, совершенных отечественными учеными за два последних столетия. До недавнего времени фундаментальная наука в России развивалась достаточно высокими темпами. Но ей не хватало сфер практического применения полученных результатов и технологической оснащённости.

Каким же образом Россия сможет стать ведущей научной державой и тем самым заложить в культурный фундамент своей цивилизации ещё одно прочное основание? Нынешнее состояние академической и отраслевой науки производит угнетающее впечатление. Нет необходимости подробно анализировать сложившуюся ситуацию в российском научном сообществе. Диагноз и так очевиден: отечественная наука попала в жернова бюрократической мельницы, которая шаг за шагом перемалывает её на мелкие части, зачищая научное пространство от малейших признаков творческой мысли и подчиняя его формально понимаемым стандартам исследовательской деятельности. Похоже наши чиновники окончательно утратили доверие к учёным и относятся к ним как к ненужному балласту. Повторяю, незначительное исключение составляют ученые, связанные с ОПК или космической промышленностью.

Есть ли выход из сложившейся ситуации? Думаю, что единственной возможностью сохранить остатки былой славы отечественной науки и её

традиций остаётся «замораживание» большинства бюрократических решений и регламентов. Конечно, отпустить науку в «свободное плавание» никто не позволит, но предоставить ей условия для постепенного возрождения вполне возможно даже при нынешней власти. Для этого нужна лишь политическая воля первых лиц государства, которые, судя по всему, ещё не осознали пагубность последствий всех проведённых ими реформ науки и образования.

Рассчитывать же на долговременную стратегию их развития, в разработке которой приняли бы непосредственное участие сами ученые и преподаватели, пока не приходится. Вертикаль власти не предполагает выстраивание системы обратных связей. Такая система замкнута на саму себя и представляет собой автаркию, проявляющуюся не только в экономическом отношении, когда минимизируется внешний товарный оборот, но и в политико-идеологическом плане, когда сводятся к минимуму связи между бюрократической системой и населением страны. При такой системе невозможна не только гибкая модель управления развитием науки и образования, но и «демотия» (например, прямое участие ученых в управлении делами науки), о которой ратовали евразийцы, отстаивая требование «возвращения к себе».

«Вернуться к себе» для отечественной науки и системы образования означает не только освободиться от формально-бюрократической регламентации, но и отказаться от навязанных им западных научно-образовательных стандартов. А это значит, что надо руководствоваться в первую очередь самыми очевидными ориентирами — национальными интересами России. При этом не нужно ничего придумывать. У нас уже был положительный опыт организации научных исследований и образовательной деятельности. Причем не только в советское время. Только так Россия может сохранить и приумножить статус научной цивилизации. Но для этого необходимо в корне изменить систему управления наукой и образованием, приблизить её к истокам собственной культуры и привести в соответствие с экологическим требованием сбережения научного наследия. Впрочем, конкретные рекомендации на этот счёт имелись не только у классических евразийцев, но и у других мыслителей.

6. *Экотехнологии.* Технологичность — «камень преткновения» цивилизационного развития России в последние столетия её истории. На это обращали внимание Н.Ф. Фёдоров, Н.С. Трубецкой и П.А. Сорокин. В мире известно несколько технологически развитых цивилизаций (например, западная, японская и др.) и их число непрерывно пополняется (пример Китая). Но Россия, к сожалению, пока к ним не относится. Я не буду вдаваться в особенности национального характера россиян, чтобы объяснить

одну из причин технической и технологической отсталости нашей страны. Достаточно отметить, что все попытки запустить двигатель технической модернизации народного хозяйства увенчались недолговременным успехом и всего лишь несколько раз. При этом они сопровождались колоссальной по своим масштабам мобилизацией человеческих и прочих ресурсов (например, эпоха Петра I, периоды советской индустриализации, годы Великой Отечественной войны и последовавшей за ней «гонки вооружений», которую советская Россия, в конце концов, проиграла). Так или иначе, такие попытки были связаны в первую очередь с угрозой войны и обусловлены необходимостью защищать свою страну от захватчиков.

Сможет ли Россия стать, помимо прочего, ещё и технологической (и далее — посттехнологической) цивилизацией, я не берусь однозначно утверждать. Но могу предложить в порядке гипотезы следующее: технологическое развитие российской цивилизации должно быть переориентировано на решение фундаментальных задач XXI века, которые пытались решить ещё мыслители прошлого: *поиск новых видов энергии и топлива* (разработка энергосберегающих и экологических технологий); *изыскания в области продления жизни* (развитие технологий в сфере здравоохранения); *разработка новых материалов* (развитие приоритетных для науки технологий ядерной физики, нанотехнологий и пр.); *создание высокоскоростных транспортных средств* (технологии освоения земного и космического пространства) и др. Разве не об этом мечтали Н.Ф. Фёдоров и другие русские философы конца XIX — начала XX вв. И разве не этим сейчас занимается Китай. По-видимому, китайские руководители и учёные умеют учиться не только на своём, но и на чужом опыте.

Кроме того, нужно иметь в виду, что конкуренция технологий в тех областях народного хозяйства, в которых традиционно сильны другие страны (автомобилестроение, вычислительная и бытовая техника, автоматизация и роботизация, цифровая экономика и пр.), для нас труднодоступна в силу дороговизны и трудоёмкости процесса разработки технического оборудования и материалов. Здесь можно воспользоваться опытом заимствования технологий, который так ярко нам демонстрирует тот же Китай. Однако в области ОПК и космической промышленности, а также в аграрной сфере и системе образования мы ещё не так сильно отстаём и здесь возможен технологический прорыв. Отдельного внимания заслуживают экологические технологии, которые должны стать приоритетным направлением технологического развития России.

7. *Экология развития.* Меня не удивляет тот факт, что данному пункту («устойчивое развитие политических и экономических систем») в рассматриваемых цивилизационных проектах уделяется не столь значительное

внимание. Кроме Н.Ф. Фёдорова, евразийцев и П.А. Сорокина, на эту сторону цивилизационного развития практически никто из авторов проектов не обращает серьезное внимание. И это, по-видимому, не случайно. Однако экология развития требует от нас частичного и поэтапного реформирования всех отраслей народного хозяйства.

Так уж случилось, что на протяжении длительной эволюции российского общества, его устойчивое и поступательное развитие так и не стало реальным (а не просто декларируемым) приоритетом государства и других институтов. Политическая система современной России существует без каких-либо изменений на протяжении последних тридцати лет. Экономическая система переживает очередной кризис и никак не может выйти на уровень роста. Такая «стабильность» лишь замедляет экономическое развитие и постепенно ведёт его к состоянию стагнации. Здесь, как ни странно, не помогают и механизмы рыночных отношений. Они у нас либо работают вхолостую, либо уже давно прекратили своё существование. А значит что-то неладное происходит в нашей экономике. По-видимому, она так и не стала рыночной, хотя и утратила свой планомерный характер.

На мой взгляд, основная причина нынешнего политического застоя и экономического спада России состоит в принципиальном несоответствии всей её общественной системы логике развития культуры, которая и является реальным «базисом». Если культура, как утверждает А.В. Смирнов, есть исторически сложившийся способ смыслополагания, который определяет посредством субъект-предикатного конструирования не только общее видение людьми своего мира, но и их повседневные практики (привычные действия и типичные формы общения), то значит именно она является базисом общества.

Поэтому вся привнесённая извне политическая и экономическая «надстройка», имеющая логику чужой культуры, зиждется сегодня на не очень прочном фундаменте. Как раз культурные смыслы, в т.ч. и смыслы жизни человека, во многом утрачены или противоречат ей самым радикальным образом. Очевидно, что с «нашей» культурой и присущей ей логикой смысла мы можем построить только «нашу» экономику и «нашу» политическую систему. Пока же вся так называемая надстройка «повисла в воздухе» и превратилась во многом в виртуальную реальность. Виртуальными становятся государство и экономика, которые не вырастают из собственной культуры. Многие люди зарабатывают деньги, ничего не производя, а производят то, что никто не покупает за эти деньги, которые также превращаются в виртуальную ценность. Формула «деньги – товар – деньги», выражающая до недавнего времени суть капиталистического способа производства, уже перестаёт быть актуальной. Очевидно, что наше

общество не приняло капитализм и не сделало его своей культурной нормой. Он так и остался виртуальным, породив чудовищные перекосы в общественном сознании и социальной практике.

Возникает вопрос: станет ли Россия, в конце концов, динамически развивающейся цивилизацией, опирающейся на мощный народнохозяйственный комплекс и прочную политическую систему? Сразу признаюсь, у меня на этот счет нет оптимистических взглядов. Но я не считаю себя экономистом или политологом, так что оставляю прогнозы им. Как философ могу предположить, что для устойчивого развития страны или общества нужны не только материальные ресурсы, но и духовные предпосылки, коренящиеся в данной культуре. А последние, как показывает опыт последних десятилетий, практически утрачены. И их нельзя восполнить отдельными поправками в Конституцию.

В первую очередь «страдают» чувственные слои культуры, определяющие социальное самочувствие людей (см. прим. 15). Ведь одно из фундаментальных духовных свойств российского человека — *чувство доверия* (доверия к другим людям, семье, к государству, стране, миру в целом), «объём» которого в обществе катастрофически снизился. Второе фундаментальное свойство — *чувство личного достоинства* — также подвержено коррозии со стороны разлагающихся на наших глазах субъектов и институтов. И, наконец, третье важнейшее свойство, от которого зависит социальное самочувствие большинства людей — «уверенность в завтрашнем дне» или «*вера в собственное будущее*». Ничто так не деморализует человека, как отсутствие такой веры, которая подпитывается во многом религиозными убеждениями, общественными идеалами и целями, т.е. средними и верхними слоями культуры.

Затем наступает время деформации идеациональных слоёв культуры, в которых сосредоточены религиозные и идеологические представления людей, связанные с верованиями и традициями. Наконец, затрагиваются «высшие» слои культуры — рациональные построения, определяющие мировоззрение людей в целом (идеалы, ценности, нормы и пр.). Так, постепенно, шаг за шагом вымываются целые пласты культуры, что непосредственным образом сказывается на менталитете большинства людей.

Ведь многие из них не склонны работать только «ради куска хлеба» или поддержания минимального уровня жизни, т.е. довольствоваться минимумом чувственных представлений. Они хотят быть успешными, счастливыми и благополучными уже сейчас, а не потом, когда выплатят все кредиты и совсем утратят интерес к жизни. Нет печальнее образа общества, потерявшего свои идеалы и основополагающие ценности. Это — путь к духовной деградации. Появились целые поколения людей, в т.ч.

среди власть имущих, которые живут «двойными» или даже «тройными» стандартами, т.е. чётко дифференцируя в своём сознании то, что можно или нужно делать «для себя и своей семьи», «для своей корпорации или сообщества» и «для общества». Причём в обществе позволено теперь практически всё, включая убийство по преступной халатности, что совершенно неприемлемо в собственном доме. Но ведь такая губительная «практика» проникает и в семью, в воспитание детей.

Следовательно, если эти фундаментальные или базовые свойства человека размываются, разрушаются или вытесняются на периферию сознания, то вместе с ними рушится и вся система духовного производства общества, интегрирующая культуру и общество. Она оказывается уже не в состоянии обеспечивать людей достойными целями и идеалами, ради которых им стоило бы жить и работать, в т.ч. строить жизнеспособную экономику или осуществлять эффективную политику. Очевидно, что вся существующая ныне индустрия досуга и виртуальных СМИ не способна заполнить духовный вакуум, образовавшийся в результате непрекращающегося манипулирования сознанием людей и систематического откладывания момента удовлетворения их потребностей и ожиданий на неопределённый период.

Выход напрашивается следующий: чтобы укрепить экономику и создать устойчивую политическую систему общества, следует сначала позаботиться о «базисе» — культуре и в первую очередь о её духовной стороне. А это значит, что необходимо восстановить духовно-нравственный иммунитет общества, подорванный ничем не оправданными радикальными реформами в сфере экономики и политики, или как утверждали евразийцы, надо «вернуться к себе», к своим собственным культурным истокам. Причём, это не будет «откатом назад», как заявляют либеральные оппоненты. И уже затем надо строить новую «надстройку», которая будет соответствовать логике культуры и духовным идеалам как всего общества, так и отдельного человека. Ещё раз повторяю, что существующая в стране социально-экономическая и политическая ситуация пока не внушает мне такой оптимизм. И вряд ли в ближайшие годы наша правящая элита освоит логику всесубъектности и пополнится эко-деятелями или иными новыми субъектами цивилизационного строительства.

8. *Экология социальных отношений.* В настоящее время в России образовался резкий дисбаланс между позициями разных социальных сил. Разрыв между самыми бедными и самыми богатыми продолжает нарастать. Социальное напряжение только усиливается. Вряд ли большинство российских людей устраивает подобный сценарий их цивилизационного настоящего.

Социальная справедливость в течение последнего века выступает важнейшим критерием цивилизационного развития России и, в известной степени, служит главным препятствием дальнейшей социальной поляризации общества. Не буду вдаваться в социологические концепции среднего класса. Возможно, последний существует как социальный феномен, но его практически не видно в сфере культуры. Здесь также продолжает расти дифференциация возможностей людей в получении образовательных услуг и проведении культурного досуга, в т.ч. в доступе к произведениям искусства. Большинство населения страны довольствуется суррогатами массовой культуры.

Одна из главных причин социальной незащищённости многих групп людей заключается в отсутствии в нынешней России сильного социального государства и развитой системы социальной защиты. Седьмая статья Конституции РФ не подкреплена действующим законодательством и реальными механизмами социальной защиты. Поэтому многие социальные права воспринимаются гражданами как сугубо декоративные. Слабое и минималистское по сути государство не в состоянии обеспечить достойный уровень жизни своим гражданам. И здесь нам ещё только предстоит пойти по пути становления «государства всеобщего благоденствия», которое уже давно стало фактом истории в большинстве развитых стран.

Однако социальная справедливость не ограничивается оказанием адресных социальных услуг наиболее уязвимым в материальном плане слоям населения. Речь идёт также о политике «равных жизненных шансов», поддержании достойной жизни людей и создании возможностей для их свободного развития. Так называемые «социальные лифты» в современной России практически не работают. По-прежнему процветают кумовство и «полезные связи», которые преграждают путь «наверх» более талантливым и профессиональным работникам. Существующая же система конкурсного замещения должностей в полной мере не функционирует и, как правило, блокируется бюрократическими процедурами и заинтересованными участниками.

Где же выход? Его уже нам подсказали отчасти Н.С. Трубецкой и другие евразийцы. Необходим ведущий или правящий отбор лиц, способных к эффективной деятельности во всех отраслях народного хозяйства. По сути дела, речь идёт о справедливой селекции членов общества и формировании новой элиты, которая будет отличаться от старой лишь одним качеством — не мнимыми или былыми заслугами, а также родственными связями, а установкой на личностный и профессиональный рост. Но для этого необходимо опять же изменить систему управления обществом и

сам подход к формированию кадрового резерва. Как это сделать на практике, я пока себе трудно представляю. Но уверен, что без привлечения «свежей крови», в т.ч. тех, кого я называю эко-деятелями, здесь не обойтись. Ведь застойные явления поразили не только экономику и политику, но и кадровую сферу.

Предложения же евразийцев о введении идеократии, которая состоит, прежде всего, в служении евразийской идеи, здесь явно не подходят. Столь же далека от этапа практической реализации и модель экспертократии, у которой имеются свои сторонники. При этом нужно учитывать и то, что П.А. Сорокин называл ментальностью людей. И хотя он идеализировал, как известно, национальный характер русского и советского народа, его представления о существовании ментальной доминанты, которая влияет на ход общественного развития, следует признать убедительными.

Таким образом, принцип социальной справедливости продолжает оставаться неразрывной частью экологического вектора цивилизационного развития России. Однако механизмы и процедуры её обеспечения в обществе пока являются «слабым местом» социальной политики государства в целом, и деятельности различных политических партий, общественных движений, в частности. В ситуации отсутствия конструктивной общественности и каналов формирования независимого общественного мнения, в т.ч. проведения социальной или гуманитарной экспертизы, добиться его реализации будет крайне сложным делом.

9. *Экология культуры.* Культура, которую многие исследователи считают реальным базисом, пока находится в плачевном состоянии. И я имею в виду не «отраслевую» культуру, которой руководит Министерство культуры, а российскую культуру в целом. То, что удалось достичь в культурном развитии в предыдущие столетия, оказалось под угрозой распада. Сохранение и приумножение культуры становится неотложной задачей всего общества.

Между тем, у меня имеются все основания полагать, что российская цивилизация, складывающаяся уже целое тысячелетие на стыке мировых культур и религий и впитавшая в себя многие из их достижений, не может не быть ничем иным, как *транскультурным феноменом*, который сформировался в результате взаимодействия разных культурно-исторических типов. Об этом писал, в частности, Н.Я. Данилевский. И это во многом обусловлено массовыми переселениями людей и интенсивными контактами разных культурных групп и этносов на территории России. При этом в ходе перемещений в географическом и социальном пространстве процессы культурной ассимиляции не возобладали. Так появился феномен «межкультурья» или «транскультуры».

Именно в этом заключается одновременно сила и слабость грядущей цивилизации в России. Транскультурный подход, как и сам термин «транскультура», не новы в научной литературе (см. прим. 16). Он указывает на виртуальную принадлежность одного индивида (или группы) ко многим культурам одновременно. Именно бытие на границе разных культур (в межкультурном пограничьи) позволяет использовать нераскрытые возможности каждой из них, превращая человека в субъекта межкультурья. Слабостью же транскультурного типа цивилизации можно считать размытость границ между входящими в неё культурными ареалами и отсутствии жесткого культурного «ядра» с присущими ему центробежными тенденциями.

Можно предположить, что таким же транскультурным характером обладает и сама русская культура, которая не является монолитной или однородной по своему составу. Благодаря этому свойству или, возможно, вопреки ему, она, тем не менее, каким-то удивительным образом «стягивает» другие культуры в единое целое, создавая благоприятную для разнообразного творчества среду. Быть русским по культуре означает во многом быть россиянином, испытывающим культурную близость к татарам, евреям, чеченцам и другим этносам. А это значит, что русский (в культурном смысле) человек есть также немного татарин, еврей, чеченец и пр. С раннего детства он впитывает в себя многое из других национальных и региональных культур, а во взрослой жизни приобретает опыт постижения иного в культуре. Может быть культурная многоликость российского человека и его терпимое отношение к иному послужит ещё одним важным условием для становления экологической цивилизации в России, ориентированной на сохранение и развитие всех культур?

10. Российская цивилизация призвана сохранить и приумножить межрегиональные и международные связи. В этом смысле она характеризуется *транзитивностью*, так как соотношения между её элементами (региональными культурами и субкультурами) можно описать при помощи следующего умозаключения: из отношений А-В, В-С, следует отношение А-С. Это относится в первую очередь к пограничным территориям и регионам России, которые дают нам яркие иллюстрации не только транзитивности, но и транкультурности. Транзитивными по сути являются практически все крупные регионы Российской Федерации, которые связаны между собой отношениями добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества, а во внешнем мире многие из них выступают посредниками в международных отношениях.

Причём такие регионы не совпадают по своим границам с территориями субъектов РФ, а оказываются ближе по географии к федеральным

округам. Многие из них объединены общим географическим положением и культурным пространством (например, регионы Урала или Поволжья, Западной Сибири или Юга России). Подобная структура несколько отличается от привычного административно-территориального деления США, где каждый штат обладает, как известно, суверенитетом, имеет свою конституцию и органы государственной власти.

Итак, именно эти свойства делают Россию одним из самых уникальных образований в современном мире, которое может состояться как цивилизация, воплощающая в себе высокие духовные идеалы, утверждающая жизнь и создающая здоровую в экологическом и нравственном плане среду существования. Но как на самом деле пойдёт процесс её цивилизационного развития, покажет её Величество История.

Пока же у меня не складывается «интегральный» проект экологической цивилизации в России. И главной причиной является отсутствие реальных носителей этой идеи и субъектов цивилизационного проектирования. Пока на рынке цивилизационных проектов выигрывает эго-деятель с его приверженностью западным ценностям. А эко-деятель ещё не вышел на историческую сцену. Остаётся лишь надеяться на то, что он появится в ближайшее время.

Российская цивилизация обладает потенциальными признаками экологической цивилизации, располагая вместе с тем культурно-региональными особенностями, которые препятствуют её становлению. С одной стороны, в силу огромной территории, особенного природного ландшафта и многообразия региональных, этнических культур в ней сложились особые условия, близкие по сути к экологической модели, в т.ч.: гармонизация отношений с окружающей средой (экологичность), органическая связь жизни и земли в бытии российских людей, человекоразмерность и всечеловечность, духовность и интеллектуальная мобильность, технологичность и устойчивое развитие, социальная справедливость, транскультурность и транзитивность. С другой стороны, этот потенциал не может быть реализован в существующих условиях. Необходимы революционные перемены, которых каждый из нас ожидает и вместе с тем опасается.

Конечно, можно попытаться осуществить этот проект поэтапно. На первом этапе следует ограничиться приоритетными направлениями, выделив ключевые цивилизационные критерии. Например, разработать и предложить для широкого обсуждения стратегию развития экологической цивилизации, сосредоточив её содержание вокруг пяти программных пунктов (к примеру, «Духовное возрождение общества», «Устойчивое развитие», «Научно-технический прорыв», «Социальная справедливость» и «Экологическая безопасность»). И на первый план я бы поставил духов-

ное возрождение человека и экологическую безопасность, а это значит, что роль философов и других гуманитариев резко возрастает, и на них ложится большое бремя ответственности. Однако, учитывая опыт реализации национальных проектов в стране, мне трудно верится в то, что подобные идеи могут заинтересовать кого-либо из представителей нашей политической элиты.

Этико-экологическое обоснование совместного цивилизационного будущего России и дружественных ей стран: от «благоговения перед жизнью» к «сочеловечности». В завершении приведу определение российской цивилизации будущего, которое потребует от меня дополнительных пояснений и уточнений. В научной литературе, кроме общих признаков (природно-климатических и географических условий) выделяются обычно такие составляющие, как полиэтничность, многоконфессиональность, синтез культур и определяющая роль государства (см. прим. 17). Наряду с этим обсуждаются так называемые «цивилизационные константы» России, к числу которых зачастую относят «объединяющую» миссию русского народа, русскую культуру, государственность имперского типа, православие и другие традиционные религии. «Ядром» такой цивилизации, как правило, признаётся русский народ и его культура. Однако эти факторы относятся преимущественно к характеристике цивилизационного настоящего России и не затрагивают нравственных основ её бытия. И поэтому речь в них идёт главным образом о стране-цивилизации или государстве-цивилизации.

Но российская цивилизация включает в себя помимо территории России ещё и трансграничное пространство, в котором происходит её активное взаимодействие с дружественными и культурно родственными странами (см. прим. 18). И в случае их успешной цивилизационной интеграции, пусть даже в отдалённой исторической перспективе, придётся искать и другое название цивилизации (см. прим. 19). Для меня наиболее привлекательным является выражение «экологическая цивилизация» или «экологическая евразийская цивилизация».

Я не вижу ничего постыдного в том, чтобы для начала изучить опыт строительства экологической цивилизации, накопленный в последние годы Китаем. Именно в философии этой большой страны следует искать предпосылку понимания гармонического единства человека и природы, мира в целом. С момента своего возникновения китайский проект был этически окрашенным, что придёт ему культурное своеобразие. Ему присущи такие установки, как сочувствие, сострадание и гуманность, которые близки по смыслу идеям софийности и соборности.

Китайские ученые и реформаторы сосредотачивают усилия сегодня на трёх проблемных областях. Во-первых, они отмечают противоречие

между требованиями экономического развития и охраны окружающей среды и вносят предложения по их преодолению. Во-вторых, они базируются свои представления о цивилизационном будущем страны на *теории экологической модернизации*, исходя из необходимости построения «зеленой» экономики, реконструкции сельской среды и нахождении баланса между индустриализацией и устойчивостью развития. Удивительно, что об этом писал значительно раньше Н.Ф. Фёдоров, предлагавший преобразовать сельский образ жизни с привлечением городских технологий. И, наконец, в-третьих, китайские исследователи и практики уделяют первостепенное внимание этико-экологическому воспитанию молодёжи, у которой предлагается сформировать экологическое или «планетарное» сознание в соответствии с установкой «планета — наш общий дом» (см. прим. 12).

В данном фрагменте очерка я сосредоточу внимание лишь на этико-экологических ориентирах России как цивилизации будущего. Почему выбор пал именно на них? Полагаю, что мне, как специалисту по философии человека, не стоит вторгаться в предметную область экономистов или политологов и тем самым чрезмерно расширять область своих интересов. На данном этапе проектного анализа достаточно ограничиться проблемами экологической этики, которые со всей остротой встают как перед каждой цивилизацией в отдельности, так и перед мировым сообществом в целом. Решив их, мы сможем продвигаться дальше и в частных сферах. К тому же эти ориентиры, будучи усвоенными и принятыми людьми в качестве руководящих принципов их деятельности, становятся ментальными доминантами общественного сознания.

Каким же мне видится совместное цивилизационное будущее России и других стран? И что можно рассматривать в качестве его этико-экологических ориентиров, направленных на сбалансированное развитие (коэволюцию) человеческих популяций и окружающего мира? Я считаю, что такими ориентирами объединённой вокруг России цивилизации, позволяющими с уверенностью говорить о её будущем, выступают принципы, связанные с экологией человека и его отношений с миром. В первую очередь необходимо выделить природосбережение и непосредственно — *принцип благоговения перед жизнью*, который распространяется, по мнению А. Швейцера, на все стороны бытия цивилизации. Его практической реализацией может заняться лишь один социокультурный тип человека — эко-деятель.

Следующим ориентиром является, на мой взгляд, *межчеловечность* как пространство взаимопроникновения и взаимопересечения соборных или симфонических личностей, «обмен мирами» между ними. Путь к ней начинается с осознания неполноты и недостаточности бытия отдельного

субъекта (индивида, народа, нации или страны). Она складывается в виде свободной конфигурации коллективных волей и сознаний, а также в ситуации междумирья и трансграничности культур. При этом каждый субъект сообщества, взаимодействуя с другими, сохраняет свою самобытность. Межчеловечность чаще всего выступает в форме диалога или общения между свободными и равноправными субъектами. В отличие от формата международных отношений в ней акцентируется внимание не на формально-правовой стороне взаимодействия, а на его духовно-нравственном измерении (взаимодействие «лицом к лицу»). В реальной жизни — это прямые межличностные, семейно-родственные и дружеские связи между представителями разных культур, а также неформальные межкультурные контакты.

Далее я отталкиваюсь от идеи *всечеловечности*, разработанной рядом русских философов и выражающей полноту свойств и проявлений всего человеческого рода, которая воплощена в определённой культуре. Как известно, для одних мыслителей это — «последовательное и совместное развитие всех культурно-исторических типов» (Н.Я. Данилевский), а для других — «всеобъемлемость русского духа», его всеотзывчивость или способность откликаться на любые духовные стороны человечества и участвовать в «мировом общении народов» (Ф.М. Достоевский). А.В. Смирнов трактует её в свою очередь как «бытие всех со всеми», которое выражает «единство множественности», т.е. ориентацию на признание опыта других культур и отношение к ним как к особенным, имеющим свою логику развития.

Межчеловеческими практиками могут заниматься и эго-деятели, ставящие превыше всего личностную автономию. Однако они не могут подняться до уровня всечеловечности. Их останавливает на полпути позиция «изолированного» и «замкнутого на себя» индивида.

Каким же образом можно соединить межчеловечность как способность «быть самим собой со всеми», вступая в непосредственные контакты с представителями других культур, и всечеловечность как «бытие всех со всеми», расширяющее пространство межкультурного взаимодействия? Полагаю, что их синтез намечается в рамках становления *сочеловечности* как «бытия всем (т.е. всем, чем ты можешь быть для другого) и для всех». Следовательно, у последней имеется, как минимум, две стороны. «Быть всем» — это значит проявить все свои лучшие качества во взаимодействии с другими субъектами (индивидами, народами и пр.), подарить им свой мир. А это, по мнению Н.А. Бердяева, и есть духовное братство людей, основанное на признании достоинства и ценности каждой человеческой личности (см. прим. 20). В свою очередь «быть для всех» — формула бес-

корыстного служения другим. Однако сочеловечность связана не только со служением, но и с умением отдавать себя другим, в т.ч. с благородством, милосердием, состраданием, благотворительностью, духовным подвижничеством и т.д. Без этих качеств невозможно построить совместное цивилизационное будущее стран и народов, имеющих сходное историческое прошлое.

Субъектами всечеловечности и сочеловечности могут выступать только эко-деятели и их ассоциации, достигшие в своём духовном развитии высокой ступени. Разумеется, этими ориентирами и субъектами не исчерпывается экологическая специфика будущей цивилизации.

Какое же отношение эти ориентиры имеют к российской цивилизации? На мой взгляд, самое непосредственное. Межчеловечность, всечеловечность и сочеловечность – разные грани человечности, которые указывают на стремление к гармонии или *гармоническому единству людей в общем для них цивилизационном пространстве*. Именно так я понимаю экологию как социокультурную практику. И, возможно, в этом и состоит экологический вектор цивилизационного развития России и дружественных ей стран. Нам всем ещё предстоит пройти этап экологического оздоровления человека и общества. Но до осуществления такого проекта ещё далеко.

В ситуации, когда наблюдается расцвет национальных культур стран, входивших когда-то в состав СССР, а также их стремление к политической независимости и культурной автономии, центром притяжения уже не может выступать русский язык или русская культура в целом. Здесь следует искать другие формы человеческой и культурной коммуникации. Конечно, в идеале их может объединить экологическая по своей сути идея всечеловечности, понимаемая скорее в духе Н.Я. Данилевского, а не Ф.М. Достоевского с его настойчивым обращением к единственному Всечеловеку – Иисусу Христу. И такая идея должна стать при этом неотъемлемой частью транскультурного пространства, объединяющего эти страны. Но одной идеи, имеющей к тому же определённый шлейф различных толкований, уже будет недостаточно для цивилизационной интеграции России и дружественных ей стран.

Необходимо поддержать стремление стран к цивилизационному союзу с Россией на условиях экологичности и сочеловечности, проявляющейся в систематической заботе о жизни вообще, и жизни людей в частности, а также о развитии разнообразных практик взаимопомощи. Именно эта установка, возведённая в ранг долговременной стратегии международного сотрудничества, позволит в значительной мере преодолеть национальный эгоизм и погасить сепаратистские настроения. Увы, желание «быть вместе с другими в благоприятной для жизни среде» следует

подкреплять конкретными шагами в налаживании мирного и взаимовыгодного сосуществования стран или народов. Цивилизация — тот символ, который требует постоянных усилий и ресурсных вложений со стороны «стержневой» страны (в данном случае — России), включая разветвлённую систему пропаганды и информационной поддержки.

Подведу итог. Цивилизационное содружество России и других стран может быть определено с точки зрения их возможного совместного будущего как *предельно широкая форма культурной общности людей, охватывающая территорию России, дружественных ей стран (а также их трансграничное пространство) и базирующаяся на духовном родстве народов, которые не только объединены общей исторической судьбой и крепкими культурными узами, но и стремятся к гармоническому единству с окружающей средой (и друг с другом) в соответствии с принятыми ими экологическими ориентирами (бережное отношение к жизни, духовное развитие, всечеловечность, сочеловечность и пр.)*.

Итак, у меня получился слишком противоречивый образ экологической цивилизации, важную роль в которой сможет при определённых условиях сыграть Россия. Практически ни один из пунктов проекта не может быть реализован в действительности. По сути дела, это такой же утопический проект, как и у моих предшественников. Предложенные мной критерии и ориентиры цивилизационного развития уже в первом приближении оказались слишком оторванными от социально-исторической практики. Проблема заключается в том, что они не являются пока главенствующими поведенческими установками и ментальными доминантами в сознании современных российских людей, и могут быть расценены другими исследователями как плод воображения автора данного очерка. Ещё больше трудностей возникает с формированием экосознания у наших соотечественников. И пока отсутствует «главный герой» (эко-деятель), мне трудно будет убедить кого-либо в целесообразности каких-либо действий.

Мне приходится лишь сожалеть, что то, к чему пришел в ходе исторического развития Китай (реализация программы построения экологической цивилизации), для нас остаётся неосуществимой мечтой. Но если отбросить претензии России на роль единственного лидера цивилизации, то можно, конечно, строить и более грандиозные планы (например, включить в повестку дня цивилизационного строительства страны интеграцию с Китаем в рамках единой цивилизации «Великой гармонии мира», формирующейся на основе экологического баланса и распространения экосознания). Но это будет уже другой сценарий цивилизационного развития России.